

В.Амфитеатров-Кадашев
ЗУМ-ЗУМ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

XXXVII

Leo
2017

В.А. Амфитеатров-Кадашев

ЗУМ-ЗУМ

Сборник фантастических
рассказов

Зум-Зум

ОТ АВТОРА

Помещенные в этой книге три рассказа, несмотря на различие сюжетов, объединены тем, что я позволю себе назвать элементом фантастическим.

Под этим понятием я подразумеваю не действенное участие в фабул раз-сказов т. наз. „сверхъестественных сил“, прямое — в „Зум-Зум“, двусмысленно-косвенное в „Старом боге“ и совершенно отсутствующее в „Солнечной пыли“, — но то обстоятельство, что все три рассказа не претворяют взятых из жизни фактов, и вызваны к бытию явлениями, внешне отдаленными от их тем.

Так исходная точка „Зум-Зум“ — мимолетное впечатление теплой и сырой осенней ночи, большого электрического фонаря и освещённых им голубовато-серебристых струй проливного дождя (причем место впечатления — не Петербург, а Москва). Первая мысль „Старого Бога“ зародилась при виде красно-бурых курганов и холмов берега Дона и при воспоминании, что на них некогда стояли скифские каменные бабы. „Солнечная пыль“ действительно, создана солнечной пылью, золотистой дымкою летних южных предвечерий, с ощущением которых в рассказ слита неуловимая память о днях пребывания автора в Ялте, в его очень молодые годы.

Однако, рассказ лишен автобиографических черт в прямом смысле этого слова, со стороны фактической являясь вольным, творческими вымыслом.

Берлин

2 v 22.

Автор.

ЗУМ-ЗУМ

„Là tout n'est qu'ordre et beauté Luxe,
calme et volupté.“

Ch. Baudelaire. „Invitation au voyage“.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Вот уже больше года я работаю над рукописями моего покойного друга, Михаила Владимировича Яловнина, с твердой решимостью выпустить в свет сочинения этого замечательного человека, подлинного мага и кудесника или, как он сам себя любил называть, не «спирита, но специалиста-мистика».

Литературное наследство М. В. огромно и состоит исключительно из неизданных произведений (М. В. никогда не печатался), большинство которых найдено и мною в архив покойного.

Но некоторые данные убедили меня в том, что значительная часть ценного наследия Яловнина находится у различных друзей и знакомых М. В.

Я немедленно обратился с просьбой представить мне выше означенные рукописи, и первым на мой призыв откликнулся В. В. Васильев, председатель педагогического совета женской гимназии гр. О. Н. Лассотицкой, лично мне доселе незнакомый.

В. В. Васильев, которому спешу выразить глубочайшую признательность, прислал мне объемистую рукопись моего покойного друга, озаглавленную: «Подробный и обстоятельный доклад о событиях, приведший к исчезновению инженера А. П. Козихина, помощника директора цементного завода «Герстнер» в С.-Петербурге».

К рукописи В. В. Васильев приложил письмо, выясняющее обстоятельства, послужившие поводом к сочинению «доклада».

Я излагаю их несколько сокращенном виде.

В одну апрельскую ночь, молоденькая барышня, дочь уважаемых гг. Варгуновых, которую за остренький носик и черные, всегда веселые глазки прозвали Ласточкой, вернулась домой в третьем часу, плачущая и расстроенная.

На расспросы испуганных родителей она поведала, что причиной тут — странное поведение её жениха, молодого инженера Алексея Павловича Козихина.

Ласточка и Алексей Павлович были в опере. После спектакля они позамешкались в раздевальне и, когда вышли из театра, на площади уже не было ни одного извозчика, а капавши целодневно мелкий дождик превратился в зловеще рокочущий по железу крыш и асфальтам тротуаров проливень.

Алексей Павлович, оставив Ласточку у театра, отправился за извозчиком.

Но тщетно Ласточка ждала его возвращения.

Пропал.

И недоумевающей барышне пришлось идти одной по темным и странными улицам, под холодными потоками дождя.

Варгуновы весьма взволновались таинственным исчезновением нареченного зятя.

Многokrатно и многообразно доказанная любовь его к Ласточке устраняла возможность подколесинских устремлений, а ровный, положительный нрав — какое-нибудь фатально ведущее в участок происшествие.

В смятенном мозгу гг. Варгуновых даже зародилась мысль о кровавом преступлении и, когда на другой день выяснилось, что А. П. не возвращался ночевать на свою квартиру, в меблированные комнаты «Гвасталла», гг. Варгуновы сообщили о странном случае властям.

Следствие велось тщательно, но все поиски несчастного инженера остались безрезультатными.

Данные же следствия установили с неопровержимой точностью:

1. Что А. П. ни в роковую ночь, ни впоследствии не покидал Петербурга.

2. Что, после того, как он расстался с Ласточкой, никто его не видел.

Этот пункт был несколько сомнителен из-за показаны пот. поч. гражданина Максима Буцволка.

Пот. поч. гражданин Буцволк показал, что он, проходя в час театрального разъезда, около Поцелуева моста, встретит быстро несущийся столп неизреченного света, обладавший некоторым сходством с предъявленной пот. поч. гражданину Буцволку следователем фотографической карточкой Козихина. Однако, следователь ходу показаниям этого свидетеля не дал, ибо выяснилось, что в ту же ночь пот. поч. гражданин Буцволк был задержан на Офицерской улиц городovým бляха № 1245 за то, что, испуская дикие вопли: — ратуйте, кто в Бога верует! вскачь мчался по тротуару. На допрос же, в участке, объяснил, что спасался от зеленого змия, внезапно выползшего из подворотни дома Третьего Российского Страхового Общества.

3. Что по характеру и образу жизни А. П. Козихин был человеком ровным и положительным. Хозяйка «Гвасталлы» называла его наилучшими из постояльцев, самым аккуратным и шепетильным в денежных счетах. Так, в последнюю ночь пребывания его в «Гвасталле» он нечаянно разбил переносную электрическую лампу и на другое же утро внес в контору цену разбитой, по его неосторожности, вещи — 11 р. 75 к.

4. Странностей за А. П. не замечалось. Только в день исчезновения он несколько удивил m-lle Варгунову довольно загадочной декламацией. Когда они ехали в театр, А. П. вдруг поднял голову, как бы прислушиваясь, я спросил невесту:

— Вы слышите нежные зовы золотых труб?

На предположение же барышни, что это, должно быть, автомобиль проехал, ответил многозначительно:

— Возможно, и продекламировал:

«И о Незримой твердя,
В тучах таймой печали,
В воздухе, полном дождя,
Трубы так мягко звучали.»

Стихи и таинственные фразы в устах

А. П. были явлением совсем непривычным, и теперь m-lle Варгунова склонялась придавать им особый смысл. Но тогда она объяснила дело гораздо проще. Накануне, на вечеринке в дом гг. Варгуновых, среди женской молодежи имел большой успех некто Радугин, молодой человек, любитель поэзии. Успех этот, видимо, оказался не по сердцу А. П. и теперь своей неожиданной таинственностью — так подумала m-lle Ласточка — он просто хотел затмить Радугина.

Но, как бы там ни было, m-lle Варгунова осталась «в невестах печальною вдовицею». Казалось ли ей это положение красиво-заманчивым или она, действительно, грустила по исчезнувшем г. Козихине, но долго ни один из многочисленных претендентов на её руку не мог добиться взаимности.

К числу этих претендентов принадлежал и приславший мне рукопись Яловнина В. В. Васильев.

Однажды г. Васильев поведал свои огорчения по поводу Ласточкиной неприступности покойному М. В., с которым был знаком довольно близко. Тот заинтересовался странным случаем и обещал произвести «свое» следствие. Через несколько дней он доставил В. В. Васильеву печатаемую ниже рукопись.

На m-lle Ласточку сочинение это произвело действие поистине магическое: грусть её исчезла, и в самом непродолжительном времени она сочеталась законным браком, правда, не с г. Васильевым, но с сумским гусаром, ротмистром Горицетовым.

Издатель.

Подробный и обстоятельный доклад о происшествиях, поведших к исчезновению инженер-технолога А. П. Козихина, помощника директора завода «Герстнер» в С.-Петербурге.

Милостивый Государь Виктор Викторович!

Счастлив сообщить Вам, что предпринятые мною поиски без вести пропавшего инженер-технолога А. П. Козихина увенчались полным успехом.

Я, к сожалению, не имею права открыть Вам путей, которыми я пришёл, к познанию сей истины, но даю Вам честное слово, что сообщаемые мною ниже странные вещи совершенно верны.

А. П. найден. Он счастлив в своей новой жизни, не намерен возвращаться к прежнему бытию и считает известную нам обоим барышню свободною от данного ему ею слова верности. Тем более, что сам г. Козихин давно женат. Правда, юридически вряд ли его брак может быть признан законным. Супруга его, говоря строго, даже не женщина в нашем смысле слова, но, как по мнению А. П., так и по-моему, это не меняет дела.

Прежде, чем перейти к подробному изложению событий, приведших к такому, в сущности, счастливому концу, я должен сделать несколько необходимых предпосылок, без коих происшествие с г. Козихиным станет окончательно непонятным.

Соображения мои коснутся вопроса о сущности бытия. Вам известно, многоуважаемый Виктор Викторович, что, по-моему, бытие является многогранной призмой, плоскости которой существуют в условиях, совершенно друг от друга отличных и, как правило, исключающих возможность взаимоперехода (конечно, в течении самого бытия. Я не касаюсь здесь великой тайны смерти, уже потому, что г. Козихин, как я упомянуты выше, жив).

Однако, бывают отступления от общего правила: надо помнить, что грани призмы суть плоскости пересекающиеся. Иногда, в силу известных внешних или внутренних условий, человек поднимается на ребро грани, где наша временная и

пространственная жизнь соприкасается с мирами запредельными, и тогда вполне возможно, что, не удержавшись на остром ребре, человек скользнёт Туда.

Именно такой случай произошел с уважаемым А. П.

Почему? Вопрос трудный. Ни обстоятельства прежней жизни, ни душевные предрасположения г. Козихина не дадут нам ключа.

Многочтимый А. П. — фигура на редкость ординарная, «одна из многих», никогда не испытывал того, что я позволю себе назвать «мистическим опытом», и выпавшее на его долю нарушение законов естества надо объяснить вмешательством Высшей Силы, пути Которой неисповедимы.

Перехожу к изложению фактической стороны дела.

Началось с вечера у гг. Варгуновых. Не стану описывать этого маленького праздника. Вам хорошо известен обычный тон варгуновских вечеров — музыка, танцы, легкий flirt.

В числе гостей находился также Илларион Ипполитович Радугин. Он пленял барышень утончённостью своей натуры и читал стихи собственного сочинения. Одно из них, сыгравшее некоторую роль в нашей истории, я привожу здесь:

Луна — словно новый целковый
На синее брошен сукно, —
И вечер лазурно-лиловый
Украдкой стучится в окно.
Ах, сказкою веет старинной
От этих серебряных крыш,
И кажется жизнь такой длинной
И скучной, как мокрый камыш,
И кажется, так бесприютно
Был прожит угаснувший день ...
Приди мимолетно, минутно
Забывшей любовницы тень!
Чтоб вызвать тебя, есть заклатья,
Да их не припомню никак ...
Но лучше не буду страдать я
И с горя отправлюсь в кабак.

Вышеприведенные стихи и, в особенности, фраза Радугина: «Если я брошу лампу в стену и оттуда вылетит жар-птица, я стану счастливейшим человеком», сильно повлияла на А. П. Он сделался молчалив, задумчив и весь вечер не примечал ласковых и любовных взоров, то и дело бросаемых на него Ласточкой.

В этом я усматриваю ясное указание, что А. П. был уже волей Неведомой Силы приближен к мирам иным. Ибо я имею удовольствие лично знать И. И. Радугина, который одно время даже принадлежал к числу моих адептов, пока природное легкомыслие не увлекло его на совсем иные пути. Это человек в высшей степени милый, остроумный, добрый, но элементов для смутительного впечатления в нем нет. Очевидно, подсознательная сфера души А. П. за ветхой корою радугинских слов уже, прислушивалась к зовам и отзвукам, долетавшим Оттуда.

С вечеринки А. П. возвращался домой один.

Стояла светлая, теплая ночь. Улицы были совершенно пусты.

Полный луною, ясный и тихий, как вода, воздух мягко тек над домами, и белой скатертью убегала вдаль полоска чистой, словно только что вымытой, мостовой. Жемчужно светил застекленный газ. Пахло тополями.

Было в этой ночи что-то странное. Как будто некое волшебство разливалось над спящим городом: лунный свет вкладывал живую душу и в стены домов, и в камни мостовой, и в бело-грустный блеск газовых фонарей. Впервые изведенное, томительное чувство охватило душу Козихина. В уме неотступно звенела фраза из стихов Радугина:

«Ах, сказкою веет старинной

От этих серебряных крыш.»

И было жалко, до боли жалко, что прожил человек до двадцати семи годов, а ничего необычайного с ним никогда не случилось. Не то что блуждающего мертвеца или призрака, галлюцинации слуха не мог припомнить А. П.

В таком состоянии явился он домой. И, когда на столике молочно-нарядным светом загорелся белый тюльпан, невольно припомнилась фраза Радугина:

Если я брошу в стену лампу, и из неё вылетит жар-птица...

А. П. схватил лампу.

— Господа Боже. Что я делаю? Глупость какая! мелькнуло в его голове, но уже звоном разбитого колпака и треском лопнувшей электрической груши огласился № 17 меблированных комнат «Гвасталла»,

Жар-птица из стены, однако, не вылетела и фантастическое настроение А. П. исчезло. Ворча о декадентских глупостях, доводящих человека чорт знает до чего, Козихин направился к постели.

Неожиданный стук в дверь привлек его внимание. Он отпер. Перед ним стояла женщина вида странного... Среднего роста, с каштановыми волосами и большими, хрустало подобными, прозрачными глазами, пестро одетая во что-то красно-голубое с золотом, она была вся струящаяся, светлая, словно лучистая.

— Сударыня, удивленно спросил А. П. — чем могу служить?

Женщина знаком показала, чтобы он запер двери и спокойно уселась перед письменным столом. Это А. П. не понравилось.

— Сударыня, сердито сказал он, — потрудитесь объяснить...

Женщина укоризненно покачала головой. Взяла со стола портрет Ласточки, бросила на пол и презрительно оттолкнула ногой, Фотография Козихинской невесты отлетела в дальний угол, а женщина скрестила на груди руки и засмеялась прямо в лицо А. П.

— Сударыня, ваше поведение... возопил тот. — Как понять его? Кто вы? Зачем вы? Почему вы? Или, быть может, вы — та самая жар-птица, которую я вызывал, как дурак, разбив электрическую лампу? В таком случае, видна птица по полету. Поведение ваше столь же глупо, сколь было глупо мое собственное.

Женщина засмеялась еще пуще.

— Я Зум-Зум. . . сказала она.

— А если Зум-Зум, то и зумзумте где-нибудь в другом месте. Меня же прошу оставить в покое.

С этими словами Козихин повернулся к двери.

Но Зум-Зум легко и мягко вскочила с кресла, подбежала к А. П. и положила тонкие, теплые руки ему на плечи.

— Милый, не сердись, заговорила она, заглянув в его лицо хрустальными и прозрачными очами своими, не сердись, дорогой... Я так хочу, чтобы ты остался со мною навсегда... навсегда... А пока не выполнено мое желание, я не успокаиваюсь, мятуюсь и капризничаю, милый, родной, дорогусенька... За это у нас меня и прозвали Зум-Зум.

— Где это у вас? На Нижней или на верхней Болвановке? — думал съязвить Козихин.

Но язва его, *entre nous soit dit*, более, чем плоская, была принята Зум-Зум с равнодушием.

— Нет, в Элефантине.

— Элефантина? Это что же, собственно, ресторан такой или кафешантан? Или, может быть, кинематограф?

— О, нет, дорогой. Элефантина— не то, что ты думаешь. Элефантина моя родина. Я хочу тебя увести туда... Потому ты мне нравишься, и ты—мой.

— А где она находится, твоя Элефантина?

— За большим стеклом, дорогой... Ах, как найти слова, чтобы описать прелесть её, милый. У нас ест зеркальное озеро, задремавшее в темно-зеленых моховых берегах, и на берегу его красный замок с высокой, высокой башней. Замок отражается в озере, и кажется, что их два: один—как следует, а другой—вверх ногами. У окна сидит принцесса в жемчужной короне, и в платье, с длинным шлейфом голубого шелка. Она всегда поет песенку одну и ту же песенку.

Тики-тики-так,
Трики-трики-трак.

Восковые лебеди подплывают, разрезая белую грудью воду, к окнам замка, и принцесса бросает им хлебные корки. А они кивают головками и говорят по-итальянски:

—Grazie. Eccellenza!

— Почему по-итальянски? Какое озеро? Какая царевна? заволновался Козихин

Но Зум-Зум душистыми руками зажала ему рот.

— Постой, постой... Не говори ничего... только слушай меня, слушай, милый.... Не кончатся чудеса страны моей... Есть темный уголок, где пахнет сладко, ванилью и корицей. Там, под навесом, пунцовыми звездами расцвели большие цветы с круглыми лепестками, там качаются тяжелые кисти желтых скобок банана, там сидит черный арап и говорит арапские стихотворения. Он страшный, зиркает глазищами, зубы скалит на потеху розовым обезьянам, что прыгают без усталости по веерным пальмам, простершим вырезные ветви над арапским логовом. Но я-то его не боюсь. Знаю, он добрый. Придешь—ручку поцелует, бананом угостит, ручного кенгуру позволит погладить.

— Чепуха, чепуха, —уже слабея, отмахивался Козихин от Зум-Зум.

Против воли, пьянили, дурманили шелесты её речей, и казалось, от неё самой пахнет сладким, как от бананов таинственного арапа. И хотение странное зарождалось: увидеть смешной и сказочный край, о котором болтала неожиданная негаданная гостья ночная.

— Чепуха? —засмеялась Зум-Зум. Чепуха? Не был ты на нашей главной улице. Длинная, длинная, и дома на ней пестренькие. На каждом башенка, на башенке—колокольчик. Ветер играет на колокольчиках вальсы, польки. И все танцует, все танцует под колокольчиковую музыку.

— Голубой гусарик с фарфоровой дамой, у которой—платье в золоченых цветочках, а глаза синее моря. Китайцы с беленькими девочками, весёлый ушан-заяц с турчанкой в зеленых

шальварах... вертимся, вертимся, блестим и звеним, радостные. Только Великий Слон не пляшет Он—наш бог». Сидит на мраморном пьедестале, смотрит на веселье. Мы его не боимся—он добрый. Можно к нему на спину вскочить и за ухом почесать. Любит. А еще любить, когда сахарцу принесешь... Милый, пойдем со мною к нам, к арапу, к принцессе зеркального озера, к Великому Слону. Мы добрые, мы счастливые, и нет у нас в Элефантине, за большим стеклом, другого закона, кроме любви и радости. Пойдем, родной. Ты слышишь, запели призывные золотые трубы. Ты слышишь веселые голоса наших, манящие тебя? Слышишь, любимый? Слышишь?

Козихин ничего не понимал. Теплые, мягкие, шелковые руки Зум-Зум гладили его щеки, неотступно глядел в душу хрустально-прозрачный взор, и сладко ныло сердце от томного и пряного запаха, —то ли сирень распустилась душистая, то ли пролили тонкие и острые духи?.. Мягко взлетая к вдруг расцветшему яркими цветами потолку, неслись нежные переливы золотых труб, и тихие голоса пели:

Забудь земных страстей ненужные томленья,
Любовью новою, непознанной гори.
Апрельской ночи сладки сновиденья,
Как луч, загрезивший под отблеском зари.
Забудь про шум людского каравана,
Всегда несносный, пусто-глупый шум,
Спеши под сень бумажного банана,
И полноби веселую Зум-Зум.
Ведь, ваша жизнь — нелепые крутины
Нелепо перемешанных цветов.
Ах, ждут тебя сады Элефанитины,
Сады безгорестных и завершенных снов!

И, под обаянием чудадействия милой волшебницы, стала для Козихина его прошлая, ровная и спокойная жизнь глупой, ненужной, а любовь к Ласточке смешною и маленькой. И показалось, что в золотом пении труб, в нежном шёпоте Зум-Зумовых речей нисходит на него счастье...

Наклонился он к губам ночной гостьи и всего себя отдавая её непонятной, но уже милой воле, сказали:

— Иду...

Вот, собственно, все, многоуважаемый Виктор Викторович.

Правда, на другой день ночное приключение показалось А. П. смешным, хотя и поэтичным сном, но сердце его уже было ранено любовной тоской по таинственной стране Зум-Зум...

Этим и объясняется его странное поведение с Ласточкой по дороге в театр, декламация стихов Иннокентия Анненского («И о Незримой тверда» и т. д.), содержание которых так подходило к его настроению, разговор о золотых трубах и т. д.

И, когда, отправившись искать извозчика, он остался один на пустой улице, и из изниженных голубым электрическим светом дождевых струй снова возник перед ним милый образ Зум-Зум, забыл он о невесте и пошел за той, которая обещала ему неомраченное счастье...

Здесь я считаю задачу расследования законченной, ибо описание нынешней счастливой жизни А. П. и Зум-Зум не входит в мои цели.

Прошу принять уверение в совершенном почтении от искренне уважающего Вас

Михаила Яловнина.

Р. S. Я много думал о лучезарном столпе, виденном пот. поч. гражданином Буцволком. Имеет ли он отношение к истории А. П. и Зум-Зум? Прихожу к убеждению, что нет. Лучезарный столп появился по какому-то другому делу, а вероятнее всего, привиделся пот. поч. гражданину с пьяных глаз

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Недавно жена моя приобрела для детей в игрушечном магазине куколку, — молодого человека, физиономия которого удивительно напоминает фотографию бесследно пропавшего А. П. Козихина. Куколка эта пользуется у моих детей большим

почетом, ибо, по их мнению, она — не деревянный, а заколдованный живой человек.

Издатель.

СТАРЫЙ БОГ

„Не трогай в темноте
Того, что незнакомо.
Быть может, это те,
Кому привольно дома. “

Федор Солозуб.

I

Фельдмаршал закрыл заседание.

Громко двигая стульями, генералы встали из-за стола.
Лоренти подошел ко мне:

— Дай Бог удачи, сказал он, крепко пожимая мою руку.

Странная для всегда сурового старика ласка почувлась в этих словах, и я сразу понял, как опасно мое предприятие. Конечно, и раньше мне было хорошо известно, что мой план, в случае более, чем вероятной неудачи, грозит гибелью, но до ласковых слов старого победителя при Альтахэме я как-то внешне и бестревожно относился к Опасностям и трудностям, предстоявшим мне. Сейчас же, всем существом я ощутил отчаянное безумие моей политики, и мне стало не по себе.

Встревожился я не за себя: привык скользить над очень глубокими пропастями. Но мне вспомнилось, что Эсмеральда не хочет оставаться без меня в осажденной столице, а еще не случилось, чтоб Эсмеральдины прихоти были не исполнены. Ночь кончалась, когда я вышел из здания Главного Штаба на прямую стрелку Силлерийской Аллеи.

Зеленоватый рассвет медленно раскрывался в чистом стеклянном небе было тихо. Изредка, цокая копытами. проезжал конный патруль, да время от времени глухо ударяло оружие на Западных Высотах. Я миновал парк, над темными липами которого небо уже румянилось золотисто-розовыми улыбками ранней зари, и углубился в путаный лабиринт переулков Приречной части.

Скоро между домами блеснула свинцовая полоска воды. На набережной высокий матрос, увидев меня, быстро вскочил с бревен, на которых расположился закусьить кружком сыра,

— Где барышня?

— В сторожке. Отдыхает.

Я вошел в сторожку.

Эсмеральда спала на деревянной скамье, подложив под голову руки. Я осторожно разбудить ее.

Она быстро вскочила и ласково мне улыбнулась. В мужском костюме, в легкой полотняной, с расстёгнутым воротом блузе, в высоких сапогах, со стриженными, мелко завитыми волосами, она походила на шалуна-школьника.

— Ну, что?

— Едем... Но, Эсмеральда, план Де-Лане отвергнут. Принят мой: через степь.

— Прекрасно.

— Как же ты? Путешествие через степь не для женщин.

— Я умру от тоски, если в следующую пятницу не увижу принца. Конечно Его Высочество — лошадь с длинными ушами, но поймите тайны женской души, страстная жажда увидеть этого неподобного господина обуревают меня.

— Твои шутки очень остроумны, но Эсмеральда... Дьявол тоже не без изящества подшутил Красной Степью.

— Очень рада. Сатанинские каламбуры — прелюбопытная вещь. Вообще не понимаю евшего ужаса перед степью.

Путешествие по реке более опасно. Река под обстрелом, по берегу шныряет конница, опять же мониторы Нидерфальда

— Красная Степь, Эсмеральда, хуже мониторов.

— Тем более приятно. Обожаю опасность. Вообще прошу вас помнить, что путешествие с вами для меня — пикник, а я никогда не отказывалась ни от одного пикника.

II

Страшна Красная Степь в жаркий августовский полдень.

Неисходными струями падает солнце с горячего неба. Вплоть до горизонта, где в сизо-знойном тумане смутно круглятся старые курганы, стелется гладкая, выжженная земля.

Тишь. Лишь изредка еле слышно прошелестит толстая и короткая змея, лениво волочащая скользкие звенья через взбугренную красными горками мелкой пыли дорогу. Неясный древний ужас, темная древняя тоска стоят над степью.

В этот час полуденного покоя старые хозяева снова воцаряются в Красной Степи. Те самые, что некогда поднимали из её обожженной земли несметные орды низкорослых свирепых всадников и вихрем несли их на север, к белостенным городам.

Минула власть старых хозяев.

Но смутной памятью о них грезят по курганам серые безобразные истуканы, с бесстыдной улыбкой на толстых каменных губах.

Ведомо бесстыжим истуканам, что в жаркие августовские полудни снова властна над Красной Степью сила её старых богов.

Их темной и жесткой воле предается осмелившийся вступить в эти пределы запустения. И, чуя над собою власть злого и непонятого врага, содрогается невольно сердце, смятенное перед бескрайними пространствами.

Вот уже третий день мы затеряны в однообразных просторах. Унынием полнится душа. Даже Эсмеральда притихла. Первый

день веселилась и, хотя был наш путь тяжел и труден, но порхающая радость милой ветреницы заставляла забывать труды.

Мы смеялись, глядя, как гордо красуется она в седле, как горячит нетерпеливого коня. Мы смеялись, когда в мертвую тишину пустыни она бросала сверкающие золотом шампанского и горячечным блеском электрических дуг песни, которым еще так недавно рукоплескала публика столицы.

Мы смеялись, когда она представляла триумф, ожидающий ее в армии принца, или изображая негодование Нидерфальда, узнавшего, что несколько отчаянных голов вырвалось из кольца осады, смешно надувала щеки, пытаясь из прекрасного лица своего сделать нечто, похожее на лунообразную физиономию неприятельского главнокомандующего.

Даже мрачный проводник Лизимах делал страшную рожу, долженствовавшую изображать улыбку, когда Эсмеральда начинала приставать к нему:

— Признавайся, черный дьявол, ведь ты тайно поклоняешься степным истуканам?

Но на второй день пустыня победила.

Эсмеральда не жаловалась и не злилась.

Было нечто, более примечательное. Впервые за три года нашей любви видел я ее такой тихой и задумчивой. Низко опустив голову, молча ехала она. Тогда поднимала длинные стрелы ресниц и пристально, с выражением неизъяснимым, смотрела в сизо-жёлтый горизонт. И в томной, с поволокою, синеве её глаз читал я беспокойство, быть может, непонятное ей самой. Казалось, темное предчувствие тревожить её душу, содрогнувшуюся перед страшными просторами Красной Степи.

Нетерпение овладевало ею время от времени. Раздраженно стукнув хлыстом по запылённым голенищам, она давала шпоры коню и, обгоняя наш маленький караван, летела вскачь в жаркую мглу пустыни. Но проходил порыв, и снова была Эсмеральда тиха и тревожно задумчива.

III

На третий день, к вечеру, Лизимах, показав на легшую по красной земле причудливыми завитком зеленую ленту, сказал:

— Чёртов провал! Отдых и вода.

Через полчаса перед нами раскрылся глубокий овраг. Упругие и колючие кусты дикой розы взбегали по обрывистым крутосклонм. Отрадой свежестью и острым сигарным запахом магдалиновой травы веяло со дна балки. Над обрывом, подобно большому Г, изогнулся куст шиповника, усыпанный белорозовыми звёздами цвета. Рядом один из тех истуканов, что разбросала по степи вера и воля её древних насельников. Бесстыдной улыбкой кривятся толстые тяжелые губы на едва намеченном лице. Связаны камнем ноги, и круглыми нарывами топорщатся грубо изваянные груди. Высится над провалом, стережет клад, этой земли смерти—воду.

Радость близкого отдыха и прохлада оживляют Эсмеральду. Золотистыми огоньками вспыхивают её синие очи, просверкивает жемчугом зубов румяная улыбка...

— О-ла-ла! —радостно кричит она и, дав шпоры лошади, вихрем подлетает к истукану.

Вежливо снимает шляпу. С лукаво-изящным смирением кланяется идолу.

— Здравствуйте, уважаемый дедушка.

Нагнувшись с седла, срывает гибкую пахучую ветвь шиповника, прикалывает на грудь к грубому полотну блузы.

— *Souvenir*, о вашей милости, дорогой дедушка. Поверьте, никогда, никогда не забуду вас. *Toute a vous, excellence* !

Сладок отдых после трудного пути. Весело потрескивает костер, бросая розово-золотые тени на серые валуны, меж коих, словно рассыпанная ртуть, блестит драгоценная вода,

Эсмеральда распалилась. Поет «Изящную Блондинку». Кэк-Уоком обходить костер.

Зато Лизимах резко изменился. До сих пор старик не мог нарадоваться: никогда еще не проходилась Красная Степь так легко. Обычно двенадцать дней тяжких блужданий, а мы за трое суток сделали чуть-ли не полпути.

Но сейчас Лизимах недовольно хмурится: какой-то испуг чувствуется в его неожиданном беспокойстве. Начинаю расспрашивать. Сначала не хочет говорить, потом, нехотя, признается: беда в сорванной Эсмеральдой ветке шиповника.

— Зачем, барышня, зачем? Нехорошо ... Как нехорошо ...

— Да что нехорошо, черный чорт?

— Нельзя женщине трогать этого куста. Мужчине можно. Мужчине он дает силу и крепость, а женщину посвящает пустыне. Теперь у вас, барышня, не будет мужа. Возьмет вас Красная Степь. Возьмет старый бог.

— Не будет мужа? Великое горе ... Их у меня столько было. Надоели. А потом, Лизимах, не отдадут меня поклонники твоему старому богу. Толстый Везель ... Все-таки он главнокомандующий... Маркиз Эльфинстон, наконец, сам принц. На них, пожалуй, твой идол ломает зубы, хохочет Эсмеральда.

Но еще суровее делается черное лицо нашего проводника:

— Не смейтесь, барышня. Пустыня не любит, когда в ней смеются. Лучше перед сном помолитесь своему Ангелу, чтобы завтра не погнались за вами те, кому вы легкомысленно отдали свою душу и тело.

— Это кто же такие, Лизимах?

— Старый бог ... Пустыня ... Красная Степь...

Постепенно караван наш засыпает. Только Эсмеральда и я не спим.

Кругом темно и тихо. Черная и душная, медленно стекает ночь с принизившегося неба. Ярким пятном блещет костер, но уже в двух шагах от него бархатной стеной вздымается знойная

потьма. Страшные вздохи и шелесты исходят из неё. Роятся в ней сонмы давно забытых теней и странных снов, причудливых и опасных. Не тех-ли, которыми грезят каменные головы древних истуканов, много ведающих идолов с бесстыдной улыбкой?

Эсмеральда молчалива. Жуть душной ночи властна и над нею. Она капризно морщит брови: ей тяжка покорность темной воле ночной пустыни. Со злостью рвет пахучую магдалиновую траву и, пожевав горьковатые и жесткие стебли, бросает их в догорающий костер. Вздвигается острый язык золотистого пламени на миг вырывая из тьмы почти черные кусты шиповника, и словно изгрызенные чудовищными зубами, скаты оврага. В глазах Эсмеральды тогда тоже вспыхивают золотистые огоньки, и лицо её делается задорным и хитрым, словно она придумывает новую шалость.

— Интересно, какие у меня будут дети от неизбежного, по словам Лизимаха, союза с идолом? внезапно спрашивает она.

От этих слов мне делается не по себе: они кажутся безмерной дерзостью. Странная жалость к Эсмеральде переполняет меня: чудится мне, что её вызова не забудут, припомнят и жестоко за него отомстят.

— Эсмеральда, говорю я, — в Красной Степи не смешно многое, очень смешное у нас, в городе. Поэтому не смейся над моим советом говорить с уважением об истукане. Я не уверен, что он — не истинный бог и хозяин этой проклятой земли.

Смутная тревога мгновенно проскальзывает в глазах Эсмеральды

— Ты, пожалуй, прав, задумчиво отвечает она, но сейчас же опять загорается синева её очей безмерной веселостью дерзкого вызова.

И, подняв голову туда, где над провалом смутно высится громада древнего истукана, она кричит звонким голосом, каким однажды, когда в „Тиволи" враждебная клака не давала ей петь, бросила в публику: —Негодяи!

— Эй, старый хрыч, берешь ты меня в любовницы?

И тут свершилось страшное. Глубоком вздохом ответила степь на крик женщины. Где-то, в пододонной глубине этой земли смерти и запустения что-то грозно зарокотало, как большой встревоженный зверь. И столько темного ужаса таилось в рокоте, что я, вскочив и выхватив револьвер, без цели и без смысла стал стрелять в ночную мглу. А рядом со мною, дико визжа и крича неясные ругательства, также бесцельно стреляла. Эсмеральда.

IV

Круглой медной бляхой, в дымке желтого пара, выкатывалось солнце над красным блюдом пустыни.

Лизимах тревожно всматривался вдаль, качал головой и усиленно гнал лошадей,

Тусклое солнце с трудом пробрасывало лучи сквозь дымную вуаль тумана. Удушливый зной, словно плотная густая жидкость, окружал нас, и казалось, что воздух липкий, тягучий, как варенье. Нестерпимо горячими струями медленно вползало за ворот блузы — это варенье. Что-то настороженное, чутко-выжидательное чуялось в красной мгле, ровно и плоско покрывавшей небосвод. К полудню встал лёгкий ветерок и тонкими струйками взметенного песка задымились вершины бугров.

Лизимах быстро повернулся ко мне.

— Капитан, не жалеете лошадей. Как можно скорее, должны мы попасть к Барсучьим Норам. Видите? И он показал на курящиеся верхушки курганов.

— Что это?

— Это ветка шиповника. Пустыня гонится за нами.

Буря разразилась раньше, чем мы дохали до Барсучьих Нор. Вдруг ударил резкий ветер, едва не опрокинув нас вместе с лошадьми, потом снова стало тихо. С севера, как-то сразу, страшным занавесом взвилась исчерну синяя туча, испещренная

желтыми пятнами, словно брюхо ядовитой змеи. И снова, как тогда ночью, вздохнула Красная Стен, гулким рыканьем задрожало пространство, из подземных глубин встал могучий и жалобный стон, словно плач многих тысяч больших и сильных зверей, запертых в темной неволе. Он ширился и рос, заполняя круг неба и земли, и страшные, испятнанные желтым облака отвечали ему короткими блесками косой молнии и сразу взвившимся свистом тысячи флейт.

Казалось, сама смерть обрушилась на нас. Желтым сумраком наполнилась окрестность. Земля ожила: странные существа, злые и причудливые, поднялись из её встревоженных недр, витые смерчи и черные тромбы дьявольскими хвостами заплясали по степи, бешено несясь взметенный песок. Едва держась в седлах, ослеплённые, полузадушенные, мы мчались, сами не зная, куда. Обезумевшие от страха кони, словно змеи, вытягивались над взбунтовавшейся землей, и, казалось, не касались её копытами. Лизимах обернулся ко мне, показывая рукою на вдруг выросший в желтой мгле холм. Я понял, что там спасение.

Перед нами открылась небольшая пещерка, выветренная в хрупком, сухом грунте холма. Я посторонился, чтобы пропустить Эсмеральду первой под спасительный кров, и в это время меня сбросило с седла.

Я ударился головою о камень, и что было дальше, я помню, как сквозь сон, страшный смертный сон.

Мне послышался суровый голос Лизимаха, властно сказавший что-то.

Потом ко мне наклонилось милое лицо Эсмеральды. Последний раз передо мною зацвели её синие очи. Я почувствовал влажный, тёплый поцелуй... Донесся полузаглушенный воем ветра топот коня.

А дальше были желтая муть и темный страх.

Я очнулся в светлой комнате. У моей кровати стояли принц и Рене Эльфинстон.

— Бумаги, бумаги от фельдмаршала? — была моя первая мысль.

— Не беспокойтесь. Все хорошо, ласково ответил принц.

— Эсмеральда? вспомнил я что-то тревожное и страшное. Принц странно заторопился. Закусил губы.

— О ней потом... потом...

Я долго болел и выздоровел только к тому дню, когда наши войска вступили в освобожденную столицу.

Я никогда не узнал, как погибла Эсмеральда.

Но меня часто тревожит один сон. Мне снится безобразная фигура старого бога и куст шиповника над узкою балкою. Мне снится Эсмеральда, распростертая у ног истукана, похожая на мальчика в своем мужском костюме и в высоких сапогах. Она мертва: на груди, рядом с полуувядшей веткой шиповника сверкают красные капли.

Я смотрю на старого бога: застывшую бесстыдную улыбкой улыбаются толстые каменные губы, и всем существом ощущаю я, какую великую муку испытала Эсмеральда, умирая.

Башенное сострадание охватывает меня. К трупу любимой моей хочу я склониться и долго плакать над нею, замученной и убитой.

Но вдруг неясным ужасом взволнована моя душа: резкая тень, упавшая от длинных опущенных ресниц Эсмеральды, странная яркость её губ, слишком алых на слишком бледном лице говорят мне: не одно страдание чувствовала Эсмеральда, умирая. Темным и мерзким сладострастием дышат её мертвые губы и замкнутые очи, осененные длинными ресницами. В муках смерти, нагнавшей дерзкую своевольницу среди грозных просторов степи, таилось злобное наслаждение, и мнится мне, в холодном трупe женщины еще дышит, еще бьется воля к страстной пытке.

И мне начинает казаться, что сейчас эта воля исполнится: встанет Эсмеральда с выжженной, горячей земли. Но не моей

безмерной любви, не моей несказанной жалости ответят её синие взоры.

Кривя слишком красные на слишком бледном лице губы тою же бесстыдною усмешкою, которой усмехается старый бог, вся проникнутая желанием новой жестокой и страстной муки, повлечется она к истукану, в жажде ласк нечестивых и смертных.

И просыпаюсь я в неизбывной тоске и до зари плачу от ужаса и горя.

СОЛНЕЧНАЯ ПЫЛЬ

«А там... там, в недостижимой глубине неба, и свет, и тепло, будто жилище души, и душа невольно тянется к этому источнику извечного света.»

В. Ф. Одоевский, «Русские ночи».

I

Когда закатное солнце сверкающим шаром низко нависает над мягкой, ленивой линией гор, — все пространство между ними и лентой серовато-белого шоссе, змеящегося вдоль садовых оград, заливается теплою зелено-золотистой мглой. Горы сквозь нее воздушно голубеют и кажутся театрально ненастоящими: вот-вот, как декорация при чистой перемене, взвывают к перечёркнутой струйками редких облаков небесной лазури.

Этот прозрачно золотистый дым, делающий предметы фантастически-лёгкими, всегда приводит Лелю в неизъяснимое волнение, и девушка готова верить Тильке Налинову, семнадцатилетнему изгнаннику из слишком многих гимназий и поэту, что предзакатная дымка—солнечная пыль, мириады мелких, оторванных от солнца частиц.

Сегодня солнечная пыль волнует Лелю особенно радостно.

Едва она выехала из ворот Чукур-лара, на кремнистое шоссе, закатная радость подняла в ней буйный, невыразимый словами, восторг.

Широко раскрытыми, блестящими глазами видит Леля зелено-золотистую мглу, пролитую над дремлющими в сладострастной истоме садами, белые дачи, горящие медноковаными окнами, чёрные свечи кипарисов, устремленные к уходящему солнцу, —и, словно от сладкого вина, кружится голова

Лели... Хочется стать» воздушно-легкой, совсем не чувствовать себя, без оглядки растаять в золотом тумане.

— Как хорошо! Как хорошо! смеётся Леля, с наслаждением чувствуя, как тепло и атласно струится вокруг её тела всколыхнутый бегом коня воздух.

Леля обгоняет едущую впереди компанию. С какой-то особенной, резкой четкостью примечает: спокойные, важные папа и мама, под полотняным балдахином коляски, и на переднем сидении — раскисший, недовольный Хроботов; Маша Григорьевна в войлочном грибе малахая, неуклюже уютившаяся на жирной белой лошади, которую, по обыкновению, не может заставить отдалиться от крыла экипажа; гарцующий на вороной Мавританке Тилька; Люси, словно вопросительный знак изогнутая в дамском седле; Александр Александрович, с вежливо безразличной улыбкой, обративший к Люси свое сухое, похожее на древнюю римскую монету, лицо.

Мимолетно чувствует Леля: она сейчас всем очень понравилась. Все, даже завистница Маша Григорьевна, радостно восприняли и запомнили тонкий, черный девичий силуэт, взвившийся на мужском седле, милое лицо, осветлённое ясной улыбкой, маленькие стройные ноги, чёткие высокими блестящими сапогами на буланой масти лошади.

Удовольствие оттого, что всем понравилась, невнятно сливается с счастьем солнечной пыли, и, опьяненная шелковистыми прикосновениями ветра, ровной иноходью коня, звонким цоканьем копыт, дальше, дальше стремится Леля, чувствуя себя легкой, невесомой, словно тело её сплетено из золотистого блеска, что ликует сейчас над землею.

Сзади слышен быстрый топот: Тилька догоняет. Своевольно шаловливой прихотью вспыхивает Леля: пусть не догонит... пусть ни за что не догонит.

Стек со свистом разрезает воздух, не касаясь лошади, — жалко делать больно милой Минуте, — и навстречу Леле бешеным

бегом мчатся серые от придорожного праха укусуные деревья, каменная стенка невысокой ограды, неуклюжая мажара, шагающий рядом с ней черный и задумчивый татарин. Внезапно, далеко внизу, под пологим скатом изумрудной волны ливадийских виноградников, развёртывается горячо-синее, все в золотых блестках отраженной солнечной пыли, море. Темные кусты на обочине дороги, обвешанные белыми гроздьями цветов,дохнули сладким, мутно-приторным запахом,

И, сливаясь в одну ненаглядную солнечную радость, запоминаются легко, вольно и навсегда, и лазурное, в золоте, море, и томный запах белых цветов, и шелковые струи теплого ветра, и торжественный блеск заката.

Густолиственный намет платанов внезапно распростерт над шоссе, мостом переброшенное через глубокий овраг, откуда веет влажная прохлада.

Леля останавливает Минуту. Топота больше не слышно.

— Не догнал! не догнал!

И, подняв глаза, к дремучему своду, в просветах которого проливается все тот же зелено-золотой прозрачный свет. Леля изнемогает от неизъяснимо радостного чувства.

— Как хорошо! Как хорошо! Счастье какое! .... Солнечная пыль... Солнечная пыль.

II

Крутыми поворотами уводит вниз простремившаяся под густолиственными деревьями, полная таинственно-зеленого света и свежей прохлады, тропинка. По ней вихрем струится черная амазонка Лели, и белым пятном промелькивает китель Тили. Изредка оборачиваясь и поддразнивая Тилю румяною улыбкой, мчится Леля.

Не догонит... Не догонит...

У старого дуба, из дупла которого в плоский водоем, журча, падает серебристая нитка студеной воды, тропинка внезапно расширяется в продолговатую площадку.

Сразу останавливается разбежавшаяся Леля. Наклонясь к роднику, перехватывает запёкшимися губами холодную струю, и внезапно все существо девушки преисполняется сладостной свежестью: стала легкой, воздушной, взмахну руками и взлечу, как птица.

Леля оглядывается, где же Тилька? и, обессилев от внезапного смеха, опускается на большой камень рядом с водоемом: вытянувшись в струнку, с рукою у козырька, выпучив глаза, стоит Тилька и строит смехотворную рожу.

— Какой дурак! Боже, какой идиот! хохочет Леля.

—Так точно, ваше превосходительство! —гаркает семнадцатилетний изгнанник из слишком многих гимназий.

Леля, зачерпнув воды в плоском водоеме, плескает на него серебристыми брызгами. Только пуще напыжился.

— Тилька! будет! Вольно!

Тиля срывает с головы фуражку и во весь рост растягивается у ног девушки.

«У ног твоих р-р-р-а-б-ом умру!»

— Убирайтесь вон, нахал! отталкивает его Леля.

«О, не гони, меня ты любишь,

И не оставлю я тебя!»

в восторге взвивается Тилька.

— Удивительно неудачные цитаты, — делает презрительную гримаску Леля. -Неужели вы воображаете, что можно влюбиться в семнадцатилетнего мальчишку?

— О, Господа! воздымает руки к небу Тилька. — Семнадцатилетний мальчишка! И кто это говорит? девчонка из Бальмонтовского стихотворения:

«О, счастливая девушка шестнадцати лет.

О, возраст невинности и первых побед»!

— Мы, женщины, — взрослые уже в тех годах, когда вы еще в Америку к индейцам бегаете.

— А-а-а. Мы, женщины... Значит, вы почитаете себя женщиной, а не девочкой? — радуется Тилька.

— Конечно, по сравнению с вами.

— В таком случае, — впадает в иступление Тилька, позвольте сделать вам любовную декларацию, потому что я люблю всех женщин! Живу и люблю! Всех! всех!

— Ишь, какой приткий! хохочет Леля. — И Машу Григорьевну?

— Милостивая государыня! гордо выпрямляется Тилька. — Прошу не задавать мне подобных позорящих мою честь вопросов. Маша Григорьевна — не женщина, но гриб, гнилая масленка, древесное чудище. Сегодня, когда она в малахае и парусиновых туфлях взгромодилась на своего белого мустанга, даже эта тварь бессловесная не выдержала и тихо прошептала: — Почто наказуеши, о Господи?

— Слов метановых не слыхала, смеется Леля, но с ними вполне согласна. Бедная Маша на коне — зрелище, действительно, грустное!

— Посему не будем говорить о нем, ибо в Писании сказано, что христианину о подобных мерзостях не следует даже думать. Лучше оставим разные гадости и отдадим наши души высокому и прекрасному, говорит Тилька, и вдруг его сильные, крепкие руки быстро обнимают Лелин стан. Прямо в её очи заглядывают карие веселые глаза, и пухлые, почти детские, безусые губы тянутся к её устам.

— Пустите! Пожалуйста без дерзостей! вырывается Леля из объятий мальчика. Тилька отпускает ее, и она, растрепанная, красная, сердитая недовольно говорит ему:

— Что за безобразие? Бить вас надо! Бить и обивки вколачивать! Окаянный какой!

— Ну, милая, хорошая, сиреневая, —тянется к ней Тилька.
— Не надо на меня гневаться. Я ведь хороший, симпатичный, и так люблю тебя.

— Это что еще за глупости? негодует Леля. — Как вы смете говорить мне «ты»?

— Но я же люблю тебя... Ужасно люблю ... Не злись ... Не злись, радость моя ненаглядная.

Мутно-прозрачная теплота наплывает на Лелю. Приятно кружится голова. Близко перед её лицом блестят большие смеющиеся глаза Тили. И безвольные Лелины руки уже не отталкивают мальчика. В сладостном изнеможении она полузакрывает глаза, и внезапно её губы чувствуют долгий, крепкий, горячий поцелуй.

Безудержным восторгом полнится все существо девушки. Она хочет бежать, сама не зная, куда, но крепкие руки Тили ловят ее. И новые, новые поцелуи сыплются на румяно-загорелые щеки, на теплые уста, на полузакрытые очи.

И кажется Леле, что весь мир залит, захлестнут солнечной пылью: тело девушки, как-будто расплывается в закатном блеске, и она не чувствует ничего, кроме зелено-золотой дымки уходящего солнца и этих жарких поцелуев влюбленного мальчишки ...

III

После прогулки, вся компания, даже папа с мамой, отправилась в городской сад ужинать.

Леля не пошла: ей не хочется ни смотреть на разряженную толпу, шаркающую по гравию аллей, ни слушать визг румынского оркестра.

Оставшись одна, Леля поднимается вверх в свою комнату. Она меняет амазонку и пыльные сапожки на капотик и туфли, заплетает на ночь косу, но затем ею овладевает нежная истома.

Тело девушки размаяно приятной усталостью; лень даже думать о необходимой возне вечернего раздевания.

Потушив электричество, Леля выходит на балкон.

Голубая и серебряная ночь разворачивается над миром. Теплый бриз легко струит прозрачный воздух, наполненный запахом бело-восковых чашек магнолии.

И этот запах, лимонно-ванильный, и слегка грибной, нежно сливается с острым пряным ароматом лавра, с грустно тонкими духами розовой мимозы, с чуть слышным солоновато-йодистым дыханием моря.

Звуки отчетливы и нежны. В городском саду играют какой-то вальс, и издали веселая мелодия кажется печальной и как-то особенно мягко звучат взрывы бойкого fortissimo тарелок. Неумолчными флейтами трещат цикады. Жалобно стонут сплюшки: *) «сплю-у, сплю-у».

Леле с балкона видна Ялта, темными садами медленно всползающая к застывшим в лунном серебре, ясным и близким горам. Кое-где бледно-золотыми точками сверкают огоньки. Белые стены домов, на которые свет месяца навел матовую синеву, ясными пятнами выделяются меж почти черных деревьев.

Прямою струйкой протянулась жемчужная нить фонарей на Набережной. Дальше, словно драгоценный камень, сверкает топовый огонь заснувшего у мола парохода, и красными вспышками вздрагивает башенка невысокого маяка.

А еще дальше раскидывается тёмно-синяя морская ширь. Пересеченная золотыми чешуйками отраженного месяца, она на горизонте сливается с лунным светом в одну прозрачную дымку и кажется неоглядной.

*) *Сплюшка — крымское название ночной птицы, (вид козодоя).*

Ясною высью своею объемля и море, и горы, и белостенный город с его темными садами, словно торжественный купол, возносится ночное небо. Трепетными свечечками посверкивают редкие звёзды, теряя свой блеск в гордом сиянии: полной луны, будто большой серебряный шит висящей на синем своде.

Умиленная ночью красую, Леля бездумно отдается лунной истоме. Словно драгоценною влагою напояет светлая ночь девушку, и в безвольном очаровании млеет и томится её сердце.

Полная тихой невыразимой радости, Леля закрывает лицо узкими полудетскими руками своими. Они пахнут кожей уздечки, нежными, слабыми духами, резко миндальными листьями лавровишни, и этот приятный, смешанный запах будит веселую память прошедшего дня.

Вспоминает Леля, и быстрый лет Минуты по кремнистому шоссе, и беготню с Тилькой под густолиственными навесами Ореанды, и обратный путь, когда из ставшего похожим на темный шелк моря медленно выполз медный круг полной луны, а неотступно скакавший рядом с Лелей Тилька ежеминутно ловил и целовал левую руку девушки.

Все сейчас дорого и мило Леле — и то, как мама ласково погрозила ей пальцем, когда они с Тилькой, запыхавшиеся, красные, сконфуженные нечаянными поцелуями, прибежали к расположившейся на развалинах ореандского дворца компании, и лукавые слова Люси: — Однако, Лелька, ты сегодня балансируешь! и добродушные шутки мужчин над слишком ярким румянцем щек девушки. Даже несносное брюзжание Хроботова, по обыкновению досадовавшего, зачем он поехал в Крым, а не в Киссинген, даже скучные рацеи Маши Григорьевны: — ты ведешь себя, как девчонка... неприличие, безобразие... вспоминаются светло и приятно.

Но светлее всего вспоминаются зелено-золотистый блеск солнечной Пыли и крепкие поцелуи влюбленного мальчика. Эта память, непонятно слитая с восторгом перёд красую сине-

серебристой ночи, полнит Лелю нежным очарованием, и томится девушка от радости бездумной, немножко стыдной, заставляющей щеки гореть огнем и глаза наполняться невольными, счастливыми слезами.

Быстрые шаги раздаются внизу.

Из-за узорного переплета дикого винограда Леля видит на широкой аллее белое пятно кителя, кажущееся от лунного света голубоватым. Это Тилька идет к большому мимозовому дереву: по высокой поэтичности своей натуры семнадцатилетний изгнанник из слишком многих гимназий не может заснуть, если у него на ночном столике не лежит розовый цветок мимозы...

Прихотливой шалостью загорается Леля.

Тихо посмеиваясь, она высовывает голову из-за виноградных листьев, кричит: — Ау! и быстро прячется. Тилька, забыв о мимозе, бросается к балкону.

— Леля, милая, выгляни, милая, я жду, слышит девушка его быстрый шопот. Неугомонный смех охватывает ее; она чувствует: безмерно влюбленный и счастливый Тилька искренне думает, что он очень похож на Ромео.

— Сейчас стихами заговорит, смеётся Леля.

— Выгляни! Еще не поздно умоляет Тилька.

«Нет, то не жаворонок, то пенье соловья;
Он каждый день на дереве гранатном поет,
Зарю встречая...»

Смешная мысль внезапно осеняет Лелю. На столе перед нею стоит большая ваза, со свежими лесными орехами. Полную пригоршню их берет девушка и, звонко расхохотавшись, бросает вниз, прямо на голову Тиле.

С сухим щелканьем стучаются орехи о гладкий гравий дорожки.

— Будет! Не шалите! Покажитесь лучше! Порадуйте меня; весело отвечает Тилька на странное приветствие.

Но Леля уже не слушает. Немыслимым восторгом взвырало её сердце, и она убегает в комнату, радостная и счастливая, на прощание крикнув мальчику:

— До завтра! Спокойной ночи!

С размаха бросается она на кровать и зарывается головой в подушку, тихо повизгивая от пронзившего все существо её безотчетного, звериного веселья. Зажмуривает глаза, и зелено-золотистая прозрачная мгла расплывается вокруг неё. И мнится Леле, что её тело истончается, тает в прощальном блеске закатного солнца. Трепеща от неизъяснимого счастья и не понимая, в чем оно, но чувствуя, что никогда еще ей не было так сладко и хорошо, Леля лепечет, и плача и смеясь:

— Как чудно... Как чудно... Солнечная пыль... Солнечная пыль...

Рассказы

Госпожа Инзект.

«Насекомые отличаются огромною силою: пропорционально, таракан в 12 раз сильнее человека, ухвертка в 40 раз сильнее лошади: если бы насекомые достигали больших размеров, — это были бы самые грозные из чудовищ».

Из отрывного календаря.

I

Рассказу воспитанницы Марии Папер об убийстве госпожи Сого и половинка Беч -Загрея, многие, в Игисте, не верят: очень уж по небывалому, и опять же, разоблачительницу у нас, в городе, зовут Нелли Лгуньей.

Но так как предположений более вероятных чем Нелли, но менее неправдоподобных, никто до сих пор не высказал, — остаётся Нелли поверить: причиной жалкой смерти госпожи Сого и полковника была Мария Папер, прозванная Госпожою Инзект. Прозвище это она получила от своей коллекции насекомых. Надо вам сказать, издавна славен городок наш насекомыми: не подумайте пожалуйста, что речь идёт о насекомых презренных, от нечистоты заводящихся — клопах, блохах, тараканах; Боже упаси! Хотя, мы люди от столичного блеска удаленные, однако живем в опрятности, чистоту любим, — и в заводе у нас нет такой гадости.

Совсем иные у нас насекомые: кругом Игисты, в лесах и обширных болотах наших, несметное множество водится жуков, бабочек, букашек, — таких, каких (по словам ученых, частенько приезжающих к нам из столицы и даже из чужих краев) нигде больше на земле нету.

Ученые к нам ездили, но из нас летучую тварь собирала одна Мария Папер, при чем были у ней собраны не только насекомые дохлые, за стёклами, на булках припиленные, по умела она разводить их, живых, вроде, как пчёл разводят: обширный сад её был полон ящиков, — то низких и широких, то длинных и высоких (некоторые были преогромной величины), в коих кишели, жужжали,

бормотали тысячи жуков, мотыльков и всяких козявок. К ящикам Мария Папер никого не допускала, да и застекленные коллекции мертвых насекомых показывала неохотно, о чем многие сожалели, ибо красоту — эти бабочки, то матово бархатные, то блестящие, как шелк, то стеклянистые, эти жуки, похожие на изумруды, топазы, агата — представляли большую.

По не таков человек была госпожа Инзект, Мария Папер, чтобы кому-нибудь доставлять удовольствие — самая злая, сварливая баба в Игисте: черномазая, короткая, толстая — пузырь пузырем, лик имела неподобный, — глазки малюсенькие, узкие, как у свиньи, нос преогромный, круглую картофелиною, ртище до ушей, полный редких, черных зубов. Ни с кем я городе она не зналась, кроме «веселой вдовы» — госпожи Сого, владелицы большого пригородного поместья — личностью отверженной. Не любили мы госпожи Сого: во-первых, чужая — появилась в Игисте только для получения наследства после мужа, богатого помещика, некогда у нас не живавшего; во-вторых, легкомысленная — говорили, будто раньше пела она в шантане; в-третьих, — и это-то особенно нас от неё отвращало — нравы у нас строгие! — закрутила она голову полковнику Бечь-Загрею. Пренебрегши всеобщим возмущением, бросить полковник. семью, —мы же стали на сторону обиженной полковницы, полковника из клуба исключили, а госпожу Сого престали принимать. Только Мария Папер с ними водила знакомство, нередко по целым дням гостила в поместье Сого. Но к себе никогда ни «веселую вдову», ни полковника не приглашала: жила замкнуто, даже прислуги не держала, взвалив работу по дому на воспитанницу Нелли. Нелли — это была девушка прехорошенькая, высокая, статная черноволосая, с огромными, немного испуганными, голубыми глазами.

Паша молодёжь по ней скопом погибала, а так как сердце у той было отзывчивое, неустойчивое, — то чуть ли не каждую неделю бывал у вас переполох: то дуэль между двумя соперниками, то отвергнутый любовник на самоубийство покусится, то — совсем уж не дело! — почтенных родителей сынок весь дом вверх дном поставит, добиваясь разрешения жениться на Нелли; по счастью,

пока кипит скандал домашний, Нелли уже успела наградить благосклонностью другого поклонника, и счастливый жених превращен в несчастного страдальца.

Мария Папер за переполохи взыскивала с Нелли сурово: нередко жаловались соседи на беспокойство от пронзительного визга девушки, наставляемой госпожою Инсект на путь истинный; аптекарь Ньюсболей, старичек добрый, даже хотел полиции сообщить об истязаниях, да друзья отговорили: во-первых, — не дай Бог, с этой ведьмой, Марией Папер, связаться, а, во-вторых, — не зря, ведь, она воспитанницу колотит: невозможная девчонка!

Попадало Нелли за романы, падало и за лганье. Странная была девушка, — словно не на земле жила, а в сказках: прибежит, бывало, перепуганная, — эй! сегодня за воскресною службою, в собор ворвался бешеный волк, перекусал всех членов городской управы, и они уже тоже сбесились, бегают по улицам и кусаются; или выдумает, — будто сегодня по реке, на золотой барке, проплыла мимо Игисты, королева и, завидев на берегу Нелли, окликнула: «Эй, девушка, как тебя зовут?» — «Нелли, ваше королевское величество.» «Держи бриллиантовое кольцо!»

Рассказывала Нелли небыль эту пламенно, убежденно, со рвением и иногда, на минуту, ей даже верили; правда потом, с негодованием отплёвывались, ругая одурачившую своей бессмыслицей лгунью.

II

Страшное событие, всполошившее нашу тихую Игисту — зверское убийство госпожи Сого и полковника Беч-Загря — случилось в ночь на 11 июня; обстоятельства преступления были очень странны: убийца проник в спальню своих жертв, чем-то вроде тарана проломив капитальную каменную стену и, войдя в брешь, обезглавил полковника и его любовницу каких-то непонятным орудием (головы убитых были словно острижены гигантскими ножницами). Свершить подобное преступление могла лишь большая шайка разбойников и притом в течении долгого

промежутка времени. Между тем, совершилось оно, по-видимому, молниеносно: челядь госпожи Сого, разбуженная страшным грохотом (очевидно, от разрушения стены), прибежав минут через десять в спальню, нашла хозяев уже убитыми; от убийц же и след простыл.

Следствие ничего установить не могло, в дело было направлено к прекращению; почти одновременно исчезла из Игисты госпожа Инзект, неожиданно разбогатевшая: и госпожа Сого, и полковник Беч-Загрей по завещанию оставили ей почти всё своё богатство — «единственному человеку, в этом паршивом городишке, не презиравшему нашего вильного Брака», — объяснял половник в завещании свое решение. Мария Папер с быстротою, показавшеюся даже подозрительной, распродала недвижимость убитых, выбрала из банков вклады к исчезла из Игисты вместе со своими коллекциями; Нелли же уехала еще раньше — по объяснению её воспитанницы — гостить к родным.

И, вот, тут-то, после отъезда госпожи Инзект, начали раскрываться странности: известный пропойца Том Самуэль вдруг припомнил, что в ночь убийства госпожи Сого и полковника он видел над Игистой черный аэроплан, очень низко и со страшным гудением летевший к дому Сого; высказывал Том предположение, что на атом аэроплане прилетели убийцы полковника. Над пропойцей сначала посмеялись, но затем явился к властям молодой Линтон со следующим показанием: будучи одним из минутных счастливых любовников Нелли Лгуны, в роковую ночь убийства находился он в саду Марии Папер, на свидании с Нелли. Ночь была темная, и любовники спокойно разгуливали по аллеям между ящиков, в которых госпожа Инзект содержала коллекции — живых насекомых. Вдруг, около самого большего ящика, Нелли взвизгнула:

— Ай! Рогач! — и убежал, оставив Линтона в полном недоумении. В надежде, что Нелли скоро вернется к возобновит прерванные игры любовные, молодой Линтон не покинул сада. Проходило время, Нелли не возвращалась, Линтон уже начал скучать, как вдруг издалека донёсся глухой удар, и затем на бельведере дома Марии Папер вспыхнул ослепительно яркий свет,

острым лучом прорезавший ночную темь. Линтон, не понимая этого явления, спрятался, благоразумия ради, в кусты. Через несколько минут он услышал громкое жужжание, как будто воздух наполнился тысячами больших жуков, и в луче света появилась летящая черная масса. Гудя и фыркая, она опустилась на дорожку и поползла к ящику. Линтона охватил огромный ужас, и без оглядки он убежал из сада госпожи Инзект.

Показание Линтона встревожило следователей во владениях Марии Папер был произведен тщательный обыск; и в отдаленном потребе неожиданно наткнулись на Нелли, не к каким родным не уезжала бедная девушка, но была заточена Марией Папер в подземелье; видимо, госпожа Инзект не собралась уморить свою воспитанницу голодом: погреб был переполнен съестными припасами, и в нем имелся кран водопровода; но, вместе с тем, госпожа Инзект основательно позаботилась, чтобы Нелли не вырвалась на свободу: толстая, чугунная цепь, прикреплённая к каменной стене, оковывала тело девушки, позволяя двигаться только до водопроводного крана и до угла, где лежало съестное.

Преудивительнейшие вещи рассказала освобождённая Нелли: оказалось, Мария Папер не только собирала насекомых, но при помощи каких-то сложных комбинаций (их Нелли, понятно, по необразованию, объяснить не могла) создавала новые виды жуков и бабочек. В числе сотворенных насекомых было настоящее чудовище — жук рогач, величиной с доброго теленка: страшного жука держали в особом ящике, только сверху обшитом деревом, а на деле бетонном, ибо ничто, кроме бетона, не устояло бы против могучих клешней чудовища. И вот, гуляя вместе с молодым Линтоном по саду, в ночь убийства, Нелли вдруг заметила, что ящик рогача пуст. Испугавшись, что вырвавшийся рогач может причинить много бед, так как он отличается кровожадностью и в день съедал по целому барану, отстригая ему голову клешнями, словно огромными ножницами. — Нелли бросилась предупредить о бегстве жука госпожу Инзект. Последнюю она нашла на бельведере, возящуюся с электрическим фонарем большой силы: этот фонарь служил для привлечения в особые сети ночных мотыльков.

Ответь на крик Нелли: Беда! Рогач улетел! — госпожа Инзект молча нанесла девушке страшный удар по голове. Нелли лишалась чувств, и очнулась только в подземельи. Воспитательницу свою она больше не видела, и долго не могла понять, что собственно происходило в страшную ночь бегства рогача.

Ныне же, ряд обстоятельств неколебимо убеждает ее в том, что Мария Попер, при помощи чудовищного жука убила госпожу Сого и полковника. Рогач любил запах гардений; цветы эти в нашем городке имелись лишь у Марии Папер, державшей их для удовольствия жука; но, вечером перед убийством госпожа Инзект отослала несколько горшков гардений в подарок госпоже Сого. Очевидно затем госпожа Инзект выпустила рогача, и чудовищное насекомое, привлечённое любимым запахом, полетело прямо к дому Сого. Гардении стояли внутри дома; жук, слишком большой, чтобы влететь в окно, при помощи бревна (действительно, около дома Сого лежали приготовленные для какой-то стройки, балки) разломал стену и ворвался в спальню; пробудил ли в нем вид людей кровожадные чувства или проснувшийся полковник чей-нибудь раздражил чудовище, но оно умертвило несчастных жертв, клешнями отсекая им головы. Обрато же жук вернулся, а не полетел дальше, потому, почему ночные мотыльки слетались к бельведеру дома госпожи Инзект: привлеченный яростным блеском электрического фонаря—единственной светлой точки в окружающей тьме ночной.

НОЧНАЯ ВСАДНИЦА.

«Зачем окно открыто в ночь?»

Эдгар По.

I

«Византийская ночь», устроенная художником Робертом Норенси, два года назад, перед его отъездом (навсегда) в Индию, кутежи Гильдебранда, маркиза де Соланьон, бесследно пропавшего в прошлом году, и «маленькие ужины» секретаря шведского посольства Левенскиольда, недавно отбывшего на свою холодную родину, казались невинною игрою в жмурки, по сравнению с фантастическим маскарадом, которым Лелия Твин отпраздновала свои именины в «особняке под львиною мордою» в переулке Трех Шпаг: даже ко всему привыкшие гости Лелии поражались пестрою смесью прекрасного, зловещего и смешного, изощренными причудами самой красивой и самой капризной женщины в столице. Под утро, когда, казалось, ничто уже не могло удивить разнузданных гостей, всеобщий восторг вызвала новая блестящая выдумка: появился Фреди Альмерон, в полной форме королевского прокурора, сопровождаемый полицейскими и громко воскликнул:

— Именем закона, Лелия Твин, вы арестованы по обвинению в убийстве Роберта Норенси, Гильдебранда, маркиза де Соланьон и Зигурда Левенскиольда.

Один из полицейских быстро оковал стальными наручниками нежные руки «царицы праздника», Альмерон же, обратившись к присутствующим, потребовал, чтобы они были свидетелями и понятыми при обыске. Кое-кто, приметив, как побледнела Лелия, когда ее руки заковали в кандалы, поспешил удалиться, но большинство масок неистовыми разразилось рукоплесканиями: шутка была острая, достойная Фердинанда Альмерона. Лишь,

очутившись в глухом подвале, где полицейские стали раскапывать землю — под мраморною мордою льва (подобной той, какая украшает подъезд особняка), — примолкли разгульные маски, ощутив что-то, от чего — веселые потухли пересмешки, тяжким сменившись молчанием.

Дикий клик ужаса прервал его, когда лопаты полицейских выкопали свежий, почти не тронутый тлением труп Левенскиольда, разложившееся тело огромных размеров (таким атлетом-великаном в столице был лишь маркиз Соланьон), и скелет, в котором по

опаловому, всем знакомому перстню на левой руке, узнали художника Норенси.

На суде Лелия решительно отказалась объяснить причину убийств, ею свершенных; держалась гордой и смертный приговор встретила словами загадочными и надменными: —Вы думаете это конец?

В городе не предполагали, что Лелию казнят: всем было известно отвращение к смертной казни, питаемое молодою Монархиней страны; но на этот раз Королева не воспользовалась правом помилования, и 27 апреля, на заре, во дворе Кульгайнаинской тюрьмы, Лелию Твин — повесили.

В тот же день произошло событие, обратившее на себя внимание странностью совпадения: неизвестный вор похитил в Национальной Галлерее картину Норенси — «Амазонка», моделью для которой некогда послужила казенная красавица.

Впрочем, любопытство к пропавшей «Амазонке» через три дня сменилось любопытством к непонятному убийству Вальтасара Рельона, случившемуся в доме № 18 по переулку Трех Шпаг, напротив «львиного особняка». В этом преступлении было загадочно и сходство ран с ранами на теле Левенскиольда (грудь, растерзанная, словно когтями огромного хищного животного, и глубокие укусы на плечах), и кровавое пятно, обнаруженное на львиной морде, украшающей подъезд особняка Лелии Твин, и путь, которым убийцы проникли к несчастному: единственная дверь в комнату Рельона, оказалась запертой изнутри, а влезть в найденное открытым окно по гладкой стене, на четвертый этаж невысказанно даже для кошки.

II

В три часа ночи, когда Фердинанд Альмерон, кончив работу, собирался отправиться, по обыкновению в клуб, дежурная ночная стенотипистка вручила ему небольшой пакет, оставленный для него какой-то дамой. В пакете оказалась небольшая книжка, с записями, помеченными 27, 28, 29 и 30 апреля; на заглавном листе было выведено крупными буквами:

ВАЛЬТАЗАР РЕЛЬОН

Студент Кор. Унив.

Дневник.

— Мадемуазель Сильвия, — осведомился прокурор, поднимая левую бровь, что означало у него высшую степень волнения. — Какова та дама, которая вручила этот пакет?

— Ах, Ваше Превосходительство, — ответила барышня, — ужасно странная: высокая, стройная, лицо под густым вуалем;

одета в костюм для верховой езды: в высоких сапогах со шпорами, с хлыстом; при ней была большая собака, каких я еще не видывала: с лохматой гривой, глаза, как угли.

— Хорошо. Сейчас же телефонируйте префекту полиции: разыскать эту даму и немедленно доставить ко мне.

Дневник Рельона:

27 апреля: Сегодня я проснулся рано, на рассвете, от странного, томительного ощущения: словно узкое лезвие, пронзила меня неизъяснимая *убежденность*: произошло что — то, бесповоротно изменившее привычный обиход моей жизни.

Мой узкий переулок, что ниспадая крутым склоном, словно каменный ручей катится меж высоких домов из под черной арки к ленивому каналу, с водой тусклою и похожею на запыленное стекло, — предстал мне не тихой окраиной, но зловещим местом нечестивых таинств; в мраморной морде льва — на подъезде дома, насупротив моих окон угадался идол древнего бога веры жестокой и сладострастной, веры испепеляющего ужаса.

Это было очень странно, и — я сознавал отчетливо — не сулило ничего хорошего; но

невыразимая приманчивость таилась в этом, — и сладко было наклоняться над *этим*, заглядывать в темную глубину.

28 апреля: В таинственный круг замыкает меня *необычайное*: невероятные, иные существования врываются в бедную жизнь мою и сладкою терзают мукою: испепеляющего ужаса... Лунная проливалась, вчера, полночь: синей и серебряною водою; сине-серебряная затопляла вода сердце мое; тоскою взыскующею; испепеляющих, сладостных взыскивала лунная тоска ужасов веры древней, злой обряд коей творился на перекрестках, где звериные идолы скалили острые зубы, где, меж белых дурманов смутным приманивало сладострастием: тело жрицы, обреченной жертве...

Тонко-звонким вздрагивала лунная, моя тоска звуком: цокали по камню копыта, — выплывала из сине-серебряных вод *ночная всадница*. Четко яростно видел я: бледное, в лунном застывшее холоде, лицо, с опущенными вниз глазами, с прямым носом, тонкостанную, легко над седлом взнесенную фигуру в черном; видел, как устало опускалась рука, узкая и длинная, как отражался лунный свет в глянце высоких сапог; и вороного тяжёлого видел коня, — и как, соскочив с седла, подошла всадница к мраморной львиной морде и, лаская, начала гладить ее...

Изнывало сердце мое: неизъяснимою тоскою, ужасом сладостным и несказанным: влеклось к ней, в ночи пришедшей, и нечестивой...

Поднимала всадница к окну моему глаза: темными возносились взоры лучами, прожигали огнем, и, смертным, и страстным отягощенная ужасом, изнемогала душа: позвать! да придет *Необычайное*: вихрем смертной страсти, вихрем страстной смерти. Но не *позвал*... не открыл окна. *Испугался*: не одна всадница к окну моему устремляла взоры, — жадными, красными мраморного льва каменный очи вспыхнули блесками; — *грозная* моя угадалась участь: обречен я—на жертву древнему, ночному богу — если впущу ночную всадницу — в сердце мое.

29 апреля. Не знаю, к а к вошла она в убогую комнату мою, но видел ясно образ ея, странный и чудный, как будто неживой, как

будто масляными написанный красками, неизъяснимый вдыхал аромат: пьяных цветов, потаенных курений и тления. Надо мною наклонялось бледное, словно серебряное, лицо, прожигали меня темных взоров лучи, и руки, узкие, белыми тянулись ко мне змеями; тонкозвонкое обольщало журчание: истомного, напевного голоса. Говорила:

— Открой окно в ночь: древнему, грозному поклонись богу, богу страсти и смерти, — и отдам я тебе мое вечное тело. О, сколько раз хотели умертвить его, рубили мечем, испепеляли на кострах — и все-таки оно живет. Три дня назад косным висело грузом, на намыленной удавке, а сегодня неодолимым соблазняет соблазном; и так всегда: приемлю образ смерти, чтобы непостижную раскрывать страсть, и в непостижной страсти — несу смерть: прими, прими меня и соблазн мой, древнему поклонись богу, испепеляющего ужаса. Ночному поклонись Зверю... В ночь открой окно!

Неизъяснимым надрывалось сердце томлением: жадная возникла воля: подчиниться лукавым обаяниям — в ночь распахнуть окно, приять вихри смертные страстные, рев звериный, и зык сов, нечестивую ласку мертвой колдуньи, и нечестивую боль тела, как жертва, терзаемого когтями Ночного Зверя... Но не открыл окна: *испугался*: слишком грозен, слишком красен блеск очей лвиной морды...

30 апреля. Темен и уныл день мой, безысходно отравленный тоскою: о Ней, о Ночной...

Чувствую: *последняя* нынче ночь. Если опять дневным преодолению страхом сладострастие испепеляющего ужаса ночного — навсегда уйдет Она из жизни моей, и вновь потекут дни — *обычные*. Раздвоена душа моя: жалко обычного, простого обихода, *хочется* — дневных, человеческих радостей, — но буйными взматывается волнами *иная воля*: к Необычайному, — к страстной жертве Ночному богу, Ночному Зверю... Что *победит*?

.....

Категорическое приказание Фердинанда Альмерона об аресте дамы, принесшей ему дневник Рельона, — исполнено не было: несмотря на все поиски, полиция указанной дамы *не нашла*.

Биография

Амфитеатров-Кадашев

(1888–1942)

Амфитеатров-Кадашев Владимир Александрович
[26.8(7.9).1888, с.Смелы Киевской губ. — 23.2.1942,

Леванто, Италия] — публицист, прозаик, драматург, критик, переводчик.

Сын А.В.Амфитеатрова от первого брака с певицей, преподавательницей музыки А.Н.Левицкой. Учился в 8-й Московской гимназии и на историко-филологическом факультете Московского университета. Дебютировал в 1906 в журнале «Киевский театрал», с 1912 — на журналистской работе в газете «Русское слово» в Москве, затем (с нояб. 1914 по май 1916) в Риме в качестве помощника А.В.Амфитеатрова, являвшегося собственным корреспондентом газеты по Средиземноморью. По возвращении в Россию в 1916 сотрудничал в петроградской («Русская воля», «Вольность», «Бич», «Сатирикон») и московской («Новости дня», где был помощником редактора, «Народоправство») прессе. Активный противник большевизма, Амфитеатров-Кадашев в годы Гражданской войны возглавил киноотдел Отдела пропаганды в войсках Добровольческой армии на Юге, печатался во многих газетах («Донская волна», «Приазовский край», «Донские ведомости», фактическим редактором которой был в нояб. 1918 — янв. 1919, «Таврический голос», «Екатеринославский вестник»); в 1920 — редактор-издатель ялтинской газеты «Южный курьер», где опубликовал серию обличительных статей о поэтах Советской России — А.Блоке, Н.Клюеве, принявших «крещение красною верою».

Публицистические и критические статьи пореволюционного времени Амфитеатров-Кадашев впоследствии объединил в 2 книги: «На великом изломе» (1918-19) и «Записки контрреволюционера» (1918-20); обе не изданы.

В нояб. 1920 эвакуировался из Крыма вместе с частями армии генерала Врангеля и, после недолгого пребывания в Константинополе, переехал в Прагу, где участвовал в деятельности лит. объединений «Скит поэтов», «Далиборка». Член берлинского Союза русских писателей и журналистов.

В 1922 в Берлине вышли 2 книжки рассказов «Зум-Зум» и «Фрачник с хвостом», которые можно отнести к жанру фантастической прозы, однако их явная вторичность и подражательность «мистической» литературе начала XX в., в т.ч. произведениям отца, ставит А.-К. в разряд запоздалых эпигонов модернизма в его массовидном варианте. Живя в Германии в 1920-30-е, постоянно печатался в газете русской диаспоры: «Руль» (Берлин), «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс), «Сегодня» (Рига).

С 1936 Амфитеатров-Кадашев постоянно живет в Италии в доме отца в Леванто. Его политические взгляды неуклонно сдвигаются «вправо», что в результате привело к сотрудничеству в газете русских нацистов «Новое слово» (Берлин), ведущим

публицистом которой он становится. Здесь под псевдонимом В.Кадашев были опубликованы его статьи («Водораздел», «Португальский диктатор», «Трезубец и треугольник» и др.), приветствовавшие тоталитарные режимы Европы; в годы Второй мировой войны давал обзоры писем итальянских солдат с Восточного фронта. Профашистские симпатии Амфитеатров-Кадашева послужили причиной его бойкота большей частью эмиграции.

Н.Ю.Грякалова

Библиография

«Зум-Зум» Владимир Амфитеатров-Кадашев, «Берлин, Издательство Е.А. Гутнова», 1922 г. Библиотека Сполохи

В. Амфитеатров-Кадашев. Ночная всадница. Рисунки М. Урванцова // Эхо. Иллюстрированное приложение к газете «Эхо». 1923. № 3.

На обложке фрагмент картины: **Этель Франклин Беттс** Сара и ее отец. Иллюстрация из книги «Маленькая принцесса» Фрэнсис Ходжсон Бернетт. 1905 г.

Оглавление

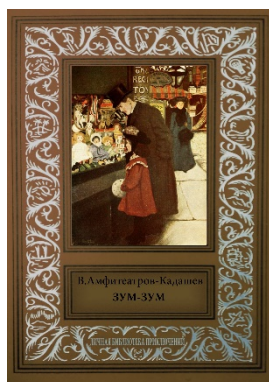
Зум-Зум	4
Старый бог	19
Солнечная пыль	30
Госпожа Инзект	41
Ночная всадница	47
Биография	54
Библиография издания	58

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

XXXVII

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ • ФАНТАСТИКА

LEO

60